

ФОЛЬКЛОРИСТИКА / FOLKLORE STUDIES

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.48.44>

ТЕРМИНЫ РОДСТВА И СВОЙСТВА В УДМУРТСКИХ СВАДЕБНЫХ ПЕСНЯХ

Научная статья

Коробова Т.В.^{1,*}, Панина Т.И.²

¹ ORCID : 0009-0005-5469-3046;

² ORCID : 0000-0003-0743-1391;

^{1,2} Удмуртский институт истории, языка и литературы, Ижевск, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (oktan85[at]mail.ru)

Аннотация

В статье исследуются термины родства и свойства в удмуртских свадебных песнях, включающих напевы рода жениха, напевы рода невесты и напев проводов невесты. Данная категория слов малоизучена с точки зрения фольклористики, поэтому требует более детального анализа и описания. Предпринята попытка доказать, что термины родства и свойства, оказываясь в контексте свадебного ритуала, наравне с обычным значением приобретают дополнительную смысловую нагрузку и становятся «свадебными», то есть носителями культурной семантики и знаковой функции наравне с поэтическими терминами удмуртского свадебного текста. Их изучение позволит реконструировать свадебный обряд, выявить специфику мифологических и философских воззрений народа.

Ключевые слова: удмуртская свадьба, удмуртский язык, термины родства и свойства, свадебные песни, архивные материалы, культурная семантика.

KINSHIP AND PROPERTY TERMS IN UDMURT WEDDING SONGS

Research article

Korobova T.V.^{1,*}, Panina T.I.²

¹ ORCID : 0009-0005-5469-3046;

² ORCID : 0000-0003-0743-1391;

^{1,2} Udmurt Institute of History, Language and Literature, Izhevsk, Russian Federation

* Corresponding author (oktan85[at]mail.ru)

Abstract

The article studies the terms of kinship and property in Udmurt wedding songs, including the tune of the groom's kin, the tune of the bride's kin and the tune of the bride's send-off. This category of words is understudied from the point of view of folkloristics, so it requires more detailed analysis and description. The attempt is made to prove that the terms of kinship and property, appearing in the context of wedding ritual, along with the usual meaning, acquire additional semantic load and become "wedding", i.e. carriers of cultural semantics and sign function on a par with poetic terms of the Udmurt wedding text. Their study will make it possible to reconstruct the wedding ritual, identify the specificity of mythological and philosophical views of the people.

Keywords: Udmurt wedding, Udmurt language, kinship and property terms, wedding songs, archival materials, cultural semantics.

Введение

Удмуртские свадебные песни создают обширное поле для разностороннего научного анализа. Их поэтические тексты отражают не только ход событий, взаимоотношения участников, их чувства и переживания, но и мифологические и философские воззрения народа. Они включают в себя множество речевых оборотов и терминов, имеющих неразрывную связь с реалиями и содержащих культурную информацию. Такая лексика требует особого подхода в изучении, поскольку одновременно является и частью языка, и частью культуры. Она подчиняется закономерностям организации лексики, способам номинации, правилам соотношения с другими единицами и в то же время соотносится с кодами обрядов и наравне с ними является носителем культурной семантики и знаковой функции [8, С. 167]. Изучение терминологической лексики сквозь призму обеих точек зрения возможно с позиций комплексного этнолингвистического подхода.

Основные результаты и обсуждение

В работе проводится анализ персонажного кода удмуртских свадебных песен, а именно терминов родства и свойства, на основе небольшого корпуса текстов (около тридцати), собранных профессором Т.Г. Владыкиной или под её руководством в разные годы и хранящихся в Научном архиве Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН.

Исследованием темы родства и свойства в удмуртском языке в разное время занимались языковеды Э. Сий [7], С.А. Максимов [4], этнографы В.Е. Владыкин, Л.С. Христолюбова [2], В.С. Чураков [9], [10] и др. В удмуртской фольклористике тема родственных связей и её отражение в языке мало изучены. В большей степени данная категория слов и понятий проявляется в свадебном обряде, который напрямую связан с изменением семейного, родового, социального статуса его участников. Терминологический аспект удмуртской свадьбы не раз становился объектом

изучения исследователей [1], [5], [6], но лексика родственных отношений чаще всего приводится без специального описания или анализа. Термины, употребляемые в контексте ритуала, являются частью культурного текста и существуют в системе координат «адресант-адресат». Изучение категории родства позволит реконструировать общую семантику, символику и аксиологию взаимоотношений участников свадебного обряда.

Обобщающий термин «*туганъёсы*» («друзья, родственники, близкие») употребляется родственниками обеих сторон и выражает высокое уважение, дружеское расположение и стремление к соединению сторон:

*Вай кырзалом, туганъёсы,
Вай вералом, туганъёсы,
Вай шулдыртом, вай шулдыртом
Зесь туганлэсь корказэ.
(Давайте петь, родные мои,
Давайте общаться, родные мои,
Давайте устроим веселье*

В доме нашего хорошего друга/родственника) (здесь и далее перевод автора – Т.К.).

Словосочетание «*Зесь туганлэсь корказэ*» (букв. «дом хорошего друга, родственника») усиливает коннотацию и в некотором роде подчёркивает угодливость исполнителя по отношению к адресату. Термин встречается во многих обрядовых текстах, исполняемых для гостей: «*Куно сектан гур*» («напев потчевания гостей»), «*Акашка гур*» («напев Акашка»), «*Куно карон*» («напев потчевания/угощения») и др.

В деревне Сеп Игринского района в песне поезжан со стороны жениха («*сюан голос*», букв. «свадебная песня») зафиксирован термин «*пинальёс*» («ребята, дети, молодёжь»):

*Кырзалэ, пинальёс, сюанэ лыктйды ке ук
Ма понна лыктйды? Ныл воран лыктйды.
(Пойте, дети, вы же на свадьбу приехали.
Для чего приехали? Девушку выкрасть приехали).*

Термин «*пинальёс*» является редким для свадебных текстов, но в данной песне он встречается пять раз. Исполнитель обращается к участникам: «*пиос но, нылъёс но, кышноос но*» («и юноши, и девушки, и женщины»), «*ныльёс-нылпиос*» («девушки-дети/молодёжь»). Такое обращение не случайно – в словах песни прослеживается нравоучительный характер, назидание взрослого, опытного человека: «*Нылъёсты воран дыргя кырзано*» («Нужно петь во время умыкания невесты»); «*Кругтй ветлон дыргя пустой эн ветлэ*» («Не ходите пустыми [без песен] по кругу»); «*Кырзады ке – сётэзы, од ке кырзалэ – уз сэтэ*» («Если будете петь – отдадут [невесту], если не будете – не отдадут»).

Термин «*калык*» («народ, люди, толпа») в песнях поезжан со стороны невесты («*ярашон гур*», букв. «напев рода невесты») выражает единение и целостность, общую цель. Они приехали повидать свою «сестру», которая «случайно оказалась» в другой деревне, и предупреждают, что не уедут, не увидев её:

*Аксаклэн но шорсюлэмаз
Пырыны шедьтэм сузэрмы.
Ум кошке(й) ук, ум кошке,
Не жа што сузэрмес аэзъйтэк.
Ми зечен лыктэм калык овёл,
Кёзонодэс тйяны ми лыктйм.
(В центре деревни Аксакшур
Случайно оказалась наша сестра.
Не уедем, не уедем ни за что,
Не повидав сестрицу.
Мы не с добром приехавший народ,
Мы приехали разломать вашу балку под полом).*

В этой же песне встречаются термины, обращённые к отцу жениха: «*кудое*» («мой сват») и фонетически освоенный русский термин «*ысватэ*»:

*Зеч-а возьмад, кудое,
Милесьтым но лыктэммес?
Тайеен ик ми малтаса
Ом лыктэ вал, ысватэ.
(Искренне ли ждал ты, сват мой,
Нашего приезда?
Не такой хорошей встречи ожидая,
Мы приехали, сват мой).*

В Увинском районе поезжане со стороны жениха («*сюанъёс*», букв. «свадебники») обращаются в своих песнях к родителям невесты: «*кудо-туклячие*» («сваты», букв. «мои сват со сватьей»):

*Однако, кудо-туклячие,
Виль кенме аэзъйтэк,
Кырзаммы уг поты.
(Однако, наши сваты,
Не увидев невестку,
Петь мы не хотим).*

Терминами «кудое», «ысватэ», «кудо-туклячие» могут называть друг друга не только сваты и сватья, но и родственники обеих сторон. Часто родственники невесты и жениха даже после свадьбы используют при общении термины свойства. Такая тенденция сохраняется в удмуртском языке до сих пор.

Терминология, называющая невесту и жениха, зависит от стороны исполнителей. Родственники жениха используют многочисленные названия невесты в своих песнях: «*выль кен*» («новая невестка/сноха»), «*выль кышно мотор*» («новая красивая/изящная жена»), «*выль кышно*» («новая жена»), «*ныл*» («девочка, девушка, невеста, дочь»). Табуирование личного имени невесты обусловлено мифологическими представлениями, характеризующимися с помощью оппозиций свой/чужой, известный/неизвестный. Период переходного статуса невесты завершался примерно через полгода или год и маркировался купанием молодухи в первый день выхода на сенокос. В этом плане интересен обряд, зафиксированный Т.Г. Владыкиной в Малопургинском районе Удмуртии: «В первый день выхода на сенокос молодые люди с позволения старших срывают с головы молодухи (*выль кен* – букв.: новая сноха) платок, фартук или женский верхний кафтан (*сьод дйсь*) и забрасывают их на дерево, а её привязывают к нему... Подводя к ней по очереди всех новых родственников (свекровь, свекра, братьев и сестер мужа), спрашивают, как она их называет. Не называя по имени, молодуха произносит соответствующие термины родства, как бы принародно выказывая свое полноправное членство в новой семье» [1, С. 118]. Таким образом, невеста, пройдя цикл обрядов, приобщается к семье мужа, и её новый статус фиксируется в языке.

Сторона невесты в своих песнях называет девушку ласковым словом «*сузэрмы*» («наша сестра/сестрица»):

Милям гинэ, ой, сузэрмы

Лавкаысь но мунё кадь.

(Наша, да, ой, сестра,

Словно кукла из магазина).

Термины, обозначающие жениха, в проанализированных текстах встречаются редко. Выявлено по одному термину в песнях рода жениха и рода невесты, при этом слова характеризуются диалектной спецификой. В Игринском районе его родственники используют слово «*мужикез*» (букв. «её муж, мужчина»), свойственное для северной традиции:

Мужикез дйне мынйз ке,

Гербер сяськаез собере уродгес луоз ин.

(Когда переедет к мужу,

Её цветок [полевая гвоздика] уже не будет так красив).

В центральных и южных районах сторона невесты называет жениха «*эмеспи*» («зять, жених»):

Милям, милям эмеспиос,

Эмеспи кадь кождады-а?

Гур урдсы думем мес кунян кадь

Милям вылэм эмеспимы.

(Наш, да, наш жених,

Думаете, похож на жениха?

Словно тёлочка, привязанная к печи,

Оказался наш жених).

Прощальные песни («*келись крез*», букв. «напев проводов») пронизаны терминами, обозначающими ближайших и самых дорогих родственников девушки:

Кылёд ук, кылёд ук тон, апие,

Ми гуртамы бертомы.

Гуртамы бертйм ке, мемиед юалоз,

Кыччы нылме кельтйды шуыса.

(Останешься ведь, останешься, сестрица,

Мы вернёмся домой.

Когда вернёмся домой, твоя матушка спросит,

Где мою дочь оставили).

Прощание невесты является одним из самых драматических этапов, а исполняемые песни выражают его эмоциональный колорит. Упоминание ближайших родственников в текстах усиливает осознание переломного момента, противопоставляются девичья жизнь и жизнь после замужества.

Заключение

Таким образом, на основе анализа даже небольшого корпуса текстов можно сказать, что категория родства и свойства в удмуртских свадебных песнях представлена обширно и вариативно. Термины вплетены в фольклорный текст и являются частью информационного поля, прочтение которого позволяет реконструировать глубинные смыслы обряда. С этой точки зрения к категории родства следует относиться как к одному из кодов, используемых в языке и культуре. Детальное исследование номинативных единиц позволит выявить типологически общие и специфические черты обряда. В дальнейшем изучение текстов, определение локальных границ, выявление заимствованных слов позволит рассмотреть проблему в контексте финно-угорской традиции и в сравнительном изучении обрядовой культуры более широких ареалов.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Закирова Н.Н., Глазовский государственный инженерно-педагогический университет им. В.Г. Короленко, Глазов, Российская Федерация
DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.48.44.1>

Conflict of Interest

None declared.

Review

Zakirova N.N., Glazov State Engineering and Pedagogical University named after V.G. Korolenko, Glazov, Russian Federation
DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.48.44.1>

Список литературы / References

1. Владыкина Т.Г. Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики / Т.Г. Владыкина. — Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. — 356 с.
2. Владыкин В.Е. Удмурты / В.Е. Владыкин, Л.С. Христоролюбова // Народы Поволжья и Приуралья. Историко-этнографические очерки. — Москва, 1985. — С. 75-107.
3. Категория родства в языке и культуре / под ред. С.М. Толстой. — Москва: Индрик, 2009. — 312 с.
4. Максимов С.А. О терминах родства по материнской линии в удмуртском языке: источник типологической модели / С.А. Максимов // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. — 2019. — № 3. — С. 126-134.
5. Нуриева И.М. Удмуртская свадьба: структура, терминология, музыкальный код / И.М. Нуриева // Финно-угорский мир. — 2016. — № 2. — С. 101-105.
6. Окунева Т.В. Терминология удмуртской свадебной обрядности как культурная информация / Т.В. Окунева // Общественные науки. — 2012. — № 5. — С. 107-111.
7. Сий Э. Термины родства и свойства в удмуртском языке / Э. Сий. — Будапешт: Akademiai Kiado, 1998. — 217 с.
8. Толстая С.М. Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры / С.М. Толстая // Славянская этнолингвистика: вопросы теории. — Москва: Институт славяноведения РАН, 2013. — С. 166-181.
9. Чураков В.С. К критике воршудной теории / В.С. Чураков // Финно-угроведение. — 2003. — № 2. — С. 3-18.
10. Чураков В.С. Происхождение названий удмуртских родов / В.С. Чураков // Linguistica Uralica. — 2005. — Т. 41. — № 1. — С. 43-57.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Vladykina T.G. Udmurtskij fol'klor: problemy zhanrovoj evolyucii i sistematiki [Udmurt Folklore: Problems of Genre Evolution and Systematics] / T.G. Vladykina. — Izhevsk: UIHLL UB RAS, 1998. — 356 p. [in Russian]
2. Vladykin V.E. Udmurty [Udmurts] / V.E. Vladykin, L.S. Khristolyubova // Narody Povolzh'ya i Priural'ya. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Peoples of the Volga Region and the Urals. Historical and Ethnographic Essays]. — Moscow, 1985. — P. 75-107. [in Russian]
3. Kategoriya rodstva v yazyke i kul'ture [The Category of Kinship in Language and Culture] / ed. by S.M. Tolstaya. — Moscow: Indrik, 2009. — 312 p. [in Russian]
4. Maksimov S.A. O terminah rodstva po materinskoj linii v udmurtskom yazyke: istochnik tipologicheskoy modeli [On the Terms of Maternal Kinship in the Udmurt Language: a Source of a Typological Model] / S.A. Maksimov // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.YA. YAkovleva [Bulletin of the Chuvash State Pedagogical University]. — 2019. — № 3. — P. 126-134. [in Russian]
5. Nurieva I.M. Udmurtskaya svad'ba: struktura, terminologiya, muzykal'nyj kod [Udmurt Wedding: structure, Terminology, Musical Code] / I.M. Nurieva // Finno-ugorskij mir [Finno-Ugric World]. — 2016. — № 2. — P. 101-105. [in Russian]
6. Okuneva T.V. Terminologiya udmurtskoj svadebnoj obryadnosti kak kul'turnaya informaciya [Terminology of the Udmurt Wedding Ceremony as Cultural Information] / T.V. Okuneva // Obshchestvennyye nauki [Social Sciences]. — 2012. — № 5 — P. 107-111. [in Russian]
7. Sij E. Terminy rodstva i svojstva v udmurtskom yazyke [Terms of Kinship and Properties in the Udmurt Language] / E. Sij. — Budapest: Akademiai Kiado, 1998. — 217 p. [in Russian]
8. Tolstaya S.M. Terminologiya obryadov i verovanij kak istochnik rekonstrukcii drevnej duhovnoj kul'tury [Terminology of Rituals and Beliefs as a Source of Reconstruction of Ancient Spiritual Culture] / S.M. Tolstaya // Slavyanskaya etnolingvistika: voprosy teorii [Slavic Ethnolinguistics: Questions of Theory]. — Moscow: Institute of Slavic Studies of the RAS, 2013. — P. 166-181. [in Russian]
9. Churakov V.S. K kritike vorshudnoj teorii [To the Criticism of the Vorshud Theory] / V.S. Churakov // Finno-ugrovedenie [Finno-Ugric Studies]. — 2003. — № 2. — P. 3-18. [in Russian]
10. Churakov V.S. Proiskhozhdenie nazvanij udmurtskih rodov [The Origin of the Names of Udmurt Kinships] / V.S. Churakov // Linguistica Uralica. — 2005. — Vol. 41. — № 1. — P. 43-57. [in Russian]